

НИКИТА УШАКОВ

ЦИКЛ «РАЗЛОМЩИКИ» · КНИГА 1



ЖНЕЦ

18+

Никита Ушаков

Жнец

«Автор»

2026

Ушаков Н.

Жнец / Н. Ушаков — «Автор», 2026

Меня списали. Отправили в невозвратную аномалию – затыкать собой дыру в мире – и поделили мою долю ещё до того, как за спиной закрылся Разлом. Похоронили по бумаге, с печатью, аккуратно: так списывают изношенный инвентарь. Зря. Я вышел. По их сканерам – ранг Е, «расходник», пустое место. Только там, за гранью, где для них прошло полгода, а для меня – годы, я научился брать. Чужую силу. Чужие навыки. Чужую смерть. Каждого, кого я убиваю, я забираю в себя: он остаётся во мне голосом, козырем, оружием. И чем дольше я живу, тем больше во мне чужого. В этом моя сила. И моя цена – однажды можно не вспомнить, кто из голосов на дне ты сам. Те, кто меня закопал, сидят в высоких кабинетах над рекой и думают, что бухгалтерия сошлась. Они не знают главного про списанных. Списанному не выставляют счёт. Списанный его ведёт.

© Ушаков Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жнец возвращается	5
Глава 2. Что я теперь такое	8
Глава 3. Счёт открыт	12
Глава 4. Низ	16
Глава 5. Проверка	20
Глава 6. Первый из тех	24
Глава 7. Наблюдатель	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Никита Ушаков

Жнец

Глава 1. Жнец возвращается

Аномалию закрывали в семь утра. Меня в расчёт не брали – по бумагам Министерства я полгода как покойник.

Я стоял у самой кромки, там, где воздух ещё дрожал и пах горелым железом, и смотрел через мутную плёнку закрывающегося Разлома, как живые занимаются делами живых. Бригада запечатывания развернулась на пустыре в четыре машины с мигалками, погашенными за ненадобностью: спешить было некуда, опасное давно выгорело. Шестеро в серых комбезах с шевронами «отдел зачистки аномалий», переносной алтарь печати на треноге, два техника со сканерами, кофе в одноразовых стаканах. Обычное утро. Обычная дыра в мире, которую закрывают по расписанию, чтобы потом списать в архив и получить премию к окладу.

Они не знали, что внутри кто-то есть. А если бы знали – всё равно закрыли бы. Я успел это понять про людей за последние полгода. Или сколько там прошло на самом деле.

Полгода. Вот что мне выписали. Я смотрел на дату в углу служебного планшета ближнего техника – он держал его так, что цифры читались даже отсюда, – и считал, и не сходилось. Для них я провалился сюда осенью. Снаружи апрель. Полгода. Я мог бы сказать им, что для меня прошло куда больше, что я успел состариться там, за кромкой, на годы, которых не помню, – но они бы не поверили. Я и сам себе не верил. Поэтому я молчал и смотрел, как затягивается выход.

Печать набирала силу. Кромка Разлома, всё это время висевшая в воздухе рваной пылью с дрожащими краями, поплыла, стягиваясь к центру, как зрачок, в который ударили светом. Узор печати на алтаре разгорался ровным белым. Ещё минута – может, две – и шов схлопнется наглухо, и я останусь по эту сторону. Или по ту. Зависит от того, успею ли я сделать шаг.

Третий раз за эти годы я смотрел, как при мне закрывается выход из мира. Первые два был не с той стороны и не успел. Хорошая школа. Учит не зевать.

Я шагнул к свету.

И тогда из-под обвалившейся бетонной плиты, слева, там, где тень ещё держалась против утра, поднялось то, чего здесь быть не должно.

Тварь выбиралась медленно, рывками, будто её собирали из чужих, не подходящих друг другу кусков и забыли, в каком порядке. Длинная, сухая, на тонких суставчатых лапах, и суставов было на один больше, чем нужно, – этот лишний сгиб делал движения неправильными, тошнотворными, как у сломанной марионетки, которую всё равно дёргают за нитки. Тварей я навидался. Эта была из тех, что приходят с глубины, а не с края.

На сером комбезе ближнего техника тихо пиликнул прибор, и над его нагрудником загорелся алый ромб опознавателя. Ранг В.

Я услышал, как у техника сел голос:

– Командир... у нас выброс. Ранг В, повторяю, В. Бригада зачистки, не боевые. Запрашиваю...

Запрашивать было поздно. Тварь ранга В против бригады запечатывания – это не бой. Это арифметика. Шестеро в лёгких комбезах, два сканера, один табельный резак на всех – им жить секунд десять, если повезёт с первым ударом, и пять, если не повезёт. Они это знали. Я видел, как знание разливается по их лицам той особой бледностью, с какой взрослые мужики вдруг понимают, что утро было последним, а они потратили его на кофе из автомата.

А я по их приборам был пустое место. Сканер техника, скользнув по мне за плёнкой Разлома, выдал то, что был обязан: ранг Е, статус – архив. Расходник. Для Системы меня здесь не стояло.

«Под левую лопатку, – сказал тот, кого здесь не было. – У него там старый шов, плохо сросся. Бей в шов, и он сложится».

Я не вздрогнул от голоса. За эти полгода – или сколько там – я разучился спорить с теми, кто во мне говорит. Велизар редко лез не по делу. Если уж заговорил перед дракой – значит, видел дорогу.

Дальше я не думаю. Думать перед таким – поздно и вредно.

Я выхожу из закрывающейся кромки в наш мир ровно в тот миг, когда тварь разворачивается к технику. Не к нему – ко мне теперь, потому что я ближе и я двигаюсь, а движение для неё слаще запаха. Хорошо. Пусть на меня.

Подныриваю под первый замах. Тварь бьёт быстро для своей туши – плеть из чего-то, что не имеет права гнуться, со свистом рассекает воздух там, где была моя голова, и дробит угол бетонной плиты в крошку. Осколки секут щёку. Я уже не там. Навий шаг низкий, в землю, под удар, – так ходят те, кто привык драться с теми, кто выше и сильнее; меня учили этому шагу долго и больно в мире, которого я не помню, и тело помнит науку, даже когда голова молчит.

Я внутри её защиты. На один удар. Против ранга В у списанного Е-шки есть ровно один удар, и если он мимо – второго не будет.

Чужая рука – не моя, я взял её когда-то у того, чьё имя забыл, вместе с этим вот умением находить слабое, – сама ведёт нож под лишний сустав, в тот самый старый шов под костяной лопаткой, про который сказал Велизар. Лезвие входит туго, потом проваливается. Тварь не визжит. Твари вообще не кричат – это людям зачем-то нужно кричать перед смертью, а им нет. Она просто ломается, как ломается стул, у которого выбили ногу, и оседает грудой неправильных суставов.

И в этот короткий, тёмный миг, пока в ней ещё тлеет то, что её держало на ногах и гнало на живое, я делаю то, ради чего, кажется, и выбрался из-за кромки.

Я беру.

Это не похоже на победу. Победа – горячая, а это холодное. Это как глотнуть ледяной воды, когда у тебя жар и горло сухое: обжигает наоборот. Что-то втекает в меня через нож, через руку, под кожу, сворачивается тугим узлом у основания позвоночника и затихает там, на дне, среди прочих. Осколок чужой силы. Лоскут чужого умения – теперь я знаю, как эта тварь чуяла живое сквозь стены, и мне это пригодится. И – всегда, всегда довеском, без спроса, бесплатным грузом к покупке – клочок чужой памяти: на изнанке век полыхнула серая равнина под двумя лунами, низкое небо чужого мира, и чей-то голос на чужом языке звал тварь домой, к гнезду, и тварь не успела прийти. Не моя память. Теперь моя. Ещё одна.

В голове сухо, без звука, щёлкнуло – так щёлкает костяшка на счётках:

Отклик принят.

Голосов на дне меня стало на один больше. Я давно сбился, сколько их там. Считать перестал нарочно: есть вещи, которые лучше не знать про себя точно.

За спиной с тихим выдохом, почти вздохом, схлопнулась печать. Разлом закрылся. Поздно теперь бояться, что не успею выйти. Успел. Я всегда успеваю – ровно настолько, чтобы остаться должным самому себе ещё одну жизнь.

Бригада запечатывания наконец-то меня увидела.

Шестеро развернулись ко мне разом, неловко, как разворачиваются люди, у которых от ужаса не слушаются ноги. Резак в руках старшего ходил ходуном. Я стоял над грудой того, что минуту назад было тварью ранга В, в чужой грязи и своей кровище из распоротой щеки, и смотрел, как меняются их лица. Сначала – облегчение: кто-то снял тварь, мы живы. Потом

непонимание: кто. Потом узнавание – самое тяжёлое. Молодой техник медленно поднял сканер и навёл на меня, и прибор послушно выплюнул то, что в него заложили.

– Морев, – прочитал техник с экранчика, и голос у него сорвался на середине. – Захар. Игоревич. Ранг... ранг Е. Статус... – он сглотнул так громко, что я расслышал. – Статус: списан. Погиб при исполнении. Аномалия «Глухарь».

– Бывает, – сказал я.

Голос вышел хриплый, ржавый. Я давно ни с кем не говорил вслух, кроме тех, кто внутри.

У моих ног остывала тварь ранга В, которую только что снял списанный Е-шка. Я нагнулся и вытащил из неё ядро – тяжёлое, тёплое, с кулак ребёнка, тёмно-багровое, пульсирующее изнутри, как чужое сердце, вынуженное и забывшее остановиться. По всем бумагам этого ядра у меня быть не могло. Как и меня самого. Списанный расходник не приносит ядер ранга В из закрытых аномалий. Списанный расходник вообще ничего не приносит – он лежит на дне той дыры, в которую его определили, и тихо превращается в строку отчёта.

Техник всё держал на меня сканер, не опуская, будто прибор мог одуматься и показать что-нибудь, во что проще поверить. Прибор не одумался. Он показывал Е. Цифра не врёт. Цифра просто не знает, кто я. В этом между нами и разница: я-то про себя кое-что знаю. Не всё. Но кое-что.

– Стой! – опомнился старший, когда я двинулся мимо них, к разрыву в оцеплении. – Ты не имеешь... ты обязан пройти регистрацию! Кто ты такой?!

Хороший вопрос. Я и сам бы хотел услышать на него полный ответ.

– Покойник, – сказал я, не оборачиваясь. – Спросите в архиве.

Я опустил ядро во внутренний карман, к самому сердцу, где оно грелось чужим теплом, и пошёл прочь – через пустырь, мимо машин с погашенными мигалками, в сторону города, который полгода назад меня похоронил. За спиной кто-то уже орал в рацию мою фамилию – с той особой интонацией, с какой не зовут живых, а докладывают начальству, что случилось непредвиденное и теперь за это кому-то влетит.

Город не ждал меня. За полгода он успел немало: похоронить, помянуть, поделить мою долю, снять с довольствия, забыть, как я выгляжу. Город – не злой. Город просто бухгалтер, как все они тут. Что не приносит дохода и хлопотно в содержании – списывается. Я был хлопотным расходником. Меня списали по всем правилам, аккуратно, с печатью.

Ничего. У меня хорошая память. Теперь – даже слишком хорошая, на несколько чужих жизней вперёд.

Списанному не выставляют счёт. Это все знают: у него нет ни прав, ни доли, ни имени, не с чего и взыскивать. Я выучил это правило там, за кромкой, в темноте, среди тех, кого унёс с собой. Только все понимают его как приговор, а я понял как разрешение.

Раз списанному счёт выставлять некому – значит, счёт буду вести я. И в моём счёте, в отличие от их бумаг, у каждой строки есть имя.

Первое из имён ждало меня в городе, в стеклянном здании на набережной, под бронзовой табличкой с грифоном. Я шёл к нему пешком, потому что денег у покойника нет, и шёл не спеша, потому что спешить мне теперь было некуда и не от кого.

Мёртвые умеют ждать. Я научился у них.

Глава 2. Что я теперь такое

Город меня не ждал.

Я шёл от оцепления пешком, потому что денег на такси у покойника не водится, а карту мне, ясное дело, заблокировали ещё полгода назад. Апрель в этом году выдался злой, мокрый, неотжатый – того сорта апрель, который как будто решил доказать, что весна необязательна. Асфальт блестел после ночного дождя и отражал рекламные щиты вверх ногами. В отражениях город выглядел почти красиво, что само по себе было подозрительно. Из вытяжки ближайшего кофейного ларька тянуло горелым зерном и горячим паром – так плотно, что я остановился и просто дышал секунду. Полгода за кромкой пахло одним: горелым металлом и чем-то кисловатым без имени – тем запахом, который бывает только когда мир начинает расходиться по швам. Кофе после него был оглушительным. Живее живых.

Потом я пошёл дальше. У покойников нет четверти часа на ларёк.

Маршрут до центра я помнил наизусть. Пять кварталов прямо, потом правее у церкви без купола – купол снесло три года назад, аномалия ранга Г, никто не восстанавливал, потому что земля под ней фонила слабым выбросом, безопасным, но мёртвым: ничего живого, только жестяная табличка «Санитарная зона» на ржавом пруте. В городе таких табличек стало много. Денег на расчистку не хватало никогда, зато на таблички – всегда.

Реклама на торце дома предлагала охотникам ранга С страховку «как у людей». Я успел разглядеть мелкий шрифт внизу: «Не распространяется на гибель при выполнении задания в аномалии». Логично. Иначе разорились бы за первый же квартал.

Под рекламой, на остановке, стайка пробуждённых в новеньких гильдейских куртках ржала над чем-то в телефоне. Куртки синие, с шевронами одной из тех средних гильдий второй линии, которые берут всех подряд, дают снаряжение в кредит и потом полтора года держат за горло долговой распиской. Молодые. Ранги Д и Е по виду – ещё не нюхали ничего серьёзнее лёгкого Разлома. Ели хорошо, спали под крышей. Куртки не успели пропитаться тем запахом, который въедается в ткань после третьего серьёзного выброса, – кисловатым и сладковатым одновременно, который не отстирывается. Сытые. Живые. Полгода назад я был таким же. Ну, почти.

«Ты опять считаешь их, – заметил Велизар. – Перестань. Ты их не съешь».

– Спасибо за заботу.

«Я не забочусь. Я объясняю. Когда смотришь на людей как на добычу – рано или поздно начинаешь добывать. А потом удивляешься, куда ушло то, что от тебя оставалось».

Я покосился в его сторону – старая привычка, бесполезная. Велизар не занимает места в пространстве. Он занимает место в голове. Эту глупость я делаю не думая и потом каждый раз чувствую себя идиотом. Но продолжаю, потому что с кем-то надо разговаривать. Хотя бы в одну сторону.

Велизар был во мне дольше всех и говорил дольше всех. Когда я его взял – а это слово точнее, чем «встретил», потому что встречаются живых, а с ним было иначе: он умирал, смотрел на меня, и в его взгляде было что-то вроде разрешения, – он уже был мёртв тысячу лет по их, навьему, счёту. Воевода без войска. Голос без тела. Старый, сухой, спокойный тем окончательным покоем, какой бывает у тех, кому больше нечего терять и некуда торопиться. Он называл вещи не нашими словами и презирал спешку с той тихой непреклонностью, которую уже нельзя назвать высокомерием – это просто опыт, принявший форму молчания. Зато умел убивать так, как в Яви не умеет никто, и щедро делился. За науку. Без лишних разговоров о цене – цену он назвал один раз, в самом начале, и потом не возвращался: настоящая цена озвучивается однажды, дальше просто берётся.

«Тебе нужно поесть, – сказал он. – И сесть. Ты третий час на ногах после выхода из Разлома. Это не прогулка. Тело помнит, даже если голова делает вид, что нет».

– Мне надо до центра.

«Центр не убежит. А ты можешь упасть прямо здесь, и тогда санитарная бригада вызовет сканер. Это закончится интереснее, чем тебе сейчас нужно».

Я остановился. Огляделся. Проулок справа уходил в тень между двумя кирпичными стенами – старые дома, дореформенные, с той архитектурой, которую строили на вырост и которая так и не выросла. В углу валялась рваная упаковка от аптечного перевязочного набора. Кто-то уже приходил сюда зализывать раны до меня. Хорошее место.

Я свернул в проулок, к глухой стене, и наконец позволил себе остановиться.

Здесь воняло кошками и мокрым кирпичом. С карниза наверху капало в лужу – равномерно, без спешки, как маленькие часы. После Разлома тишина всегда кажется чем-то личным, как будто она специально для тебя.

Так. Что я теперь такое.

Я закрыл глаза и начал перебирать. Это не список и не таблица, что бы ни рисовали в книжках про Систему – с разноцветными полосками прогрессии и красивыми иконками навыков. У меня не так. Это как карманы старого пальто: съёшь руку и не знаешь, что нащупаешь. Иногда что-то нужное. Иногда – чужую горсть монет чужого покроя, которые здесь не ходят.

Первое – удар под лопатку, свежий, ещё тёплый, взятый часа три назад. Не умение в обычном смысле, скорее знание, вбитое в руку в обход головы: как нащупать чужое слабое, как войти в шов, который не зарос, как провалиться ножом туда, где у неё больно. Из твари. Из её памяти о собственной смерти. Теперь моё.

Второе – умение не дышать четверть часа. С кого-то, кого уже не вспомню. В самом этом умении есть привкус тёмной воды и давление в ушах, и неспешный счёт без паники – что-то глубоководное было в том, от кого я это взял. Я пользуюсь им как запасной жизнью: на случай, когда дышать нельзя, а выбора нет.

Третье – навий шаг, низкий, в землю, под замах. Это Велизар. Единственное, что я держу с чем-то похожим на гордость, потому что в нём нет ничего случайного. Велизар учил долго и без скидок. Я помню: первый раз поставил вес не туда, упал, он сказал только «ещё». Не «больно?», не «аккуратнее». Ещё. Пока тело не запомнило само, без спроса у головы.

А потом – голоса. Много. Я давно перестал их считать поимённо, потому что когда начинаешь считать – начинаешь различать, а когда различаешь – начинаешь отвечать всем сразу. Дурная дорога. Они лежат на дне, тихо, пока не нужны. Иногда всплывают сами. Прошлой ночью я поймал себя на мыслях о том, как правильно вязать морской узел, – и понял, что думаю не я. Вспомнил: был один рыбак, взятый в третий месяц. Умер, думая о сетях. Теперь я думаю о сетях вместо него.

В этом и цена. Никто не даёт силу даром, а мёртвые – тем более. Каждый, кого я беру, остаётся. А потом вдруг подаёт голос среди ночи, и ты ловишь себя на чужой привычке, на чужом страхе, на тяге свернуть в переулок, по которому сроду не ходил. Возьмёшь слишком много – и в одно утро не вспомнишь, который из голосов твой. Я видел, к чему это ведёт, за кромкой. Там таких называли по-разному. Вежливые говорили «одержимый». Невежливые просто обходили стороной и не объясняли почему.

«Сегодня ты взял на одного больше, – сказал Велизар. – Тварь. Это хуже, чем человек».

– Знаю.

«Не знаешь. Но узнаешь. Тварь не помнит себя человеком. Она помнит только голод и движение к живому. Этого у тебя теперь на дне больше, чем было».

– И что мне с этим делать?

«Пока – ничего. Просто знай».

За это я ценю Велизара. Никакого «у тебя всё получится». Только то, что есть.

Я проверил, цел ли я. Пошевелил пальцами – сначала правой, потом левой, потом почему-то ещё раз правой. Проговорил про себя своё имя, фамилию, дату рождения. Привычка, ввевшаяся за кромкой: я делал это каждый раз после выпитывания, потому что однажды чуть не забыл, что меня зовут не так, как того, кого только что взял. Имя. Фамилия. Число. Место, где вырос – пусть не важно, но якорит.

Захар Морев. Двадцать шесть. Всё на месте. Пока.

Ядро ранга В оттягивало карман.

Тяжёлое, тёплое, пульсирующее. Такие ядра на вид неприятные: тёмно-багровые, с мутной стеклянистой коркой снаружи, а внутри что-то мерно ворочается, как зверь в спячке, который не понял ещё, что его берлоги больше нет. Этому было часа три от роду – тварь умерла недавно, ядро не успело остыть. На ощупь живое. И, в отличие от перекупщика, который щупает товар снаружи, я слышал его изнутри: оно отзывалось на меня – чуть тянулось к ладони, будто узнавало не покупателя, а родню. Вот это и было новым. Вот этого я в себе ещё боялся.

На чёрном рынке за такое дают столько, что хватит снять угол и не отсвечивать полгода. Каждый охотник с рангом Д и выше знает, где он есть, – не потому что туда ходят, а потому что не ходить и знать, где он, – это разные вещи. Я сам туда не ходил. Но теперь у меня была другая арифметика.

На белом рынке за это ядро меня посадят. У списанного Е-шки не бывает законных ядер ранга В. У списанного Е-шки вообще ничего не бывает – только строка в архиве.

Барыгу я нашёл у гаражного кооператива, через квартал от остановки. Тощий дед в ватнике, без шевронов, с видом человека, для которого слово «нелегально» просто означает «без квитанции». Телефоны лежали у него в картонной коробке из-под детского питания – старые, простые, без привязки к системе идентификации. Такие устройства официально умерли как класс лет пять назад, но некоторые вещи умирают медленно и продолжают работать из одного только упрямства.

– Сколько за простой, – сказал я. Не вопрос. Констатация.

– Полторы. Симка отдельно. Наличка, – сказал он, не глядя.

Налички у меня было ровно столько, сколько бывает у человека, который вышел из аномалии с ядром ранга В в кармане и больше ни с чем. То есть то, что нашлось за подкладкой куртки – мятые купюры, забытые там ещё полгода назад, – оказалось достаточно. Дед взял деньги не считая. Мы оба знали, что сделка честная, и оба знали, что объяснять это незачем.

Я отошёл за угол, включил телефон, подождал загрузки. Открыл общий реестр Министерства – он работает на любом устройстве с сетью, потому что Министерство объявило прозрачность благом, а когда прозрачность стала мешать, просто перестало туда смотреть. Реестр остался открытым по инерции. Вбил свою фамилию. Не из тщеславия. Чтобы понять, как меня закопали.

«Морев Захар Игоревич. Охотник, ранг Е. Гильдия "Стяг". Статус: погиб при исполнении. Аномалия "Глухарь", категория опасности повышенная. Тело не эвакуировано».

Я перечитал. Потом ещё раз. Аккуратная строчка. Без лишнего. Кто-то постарался с формулировками – чистые, без зазора, за который можно зацепиться. «Тело не эвакуировано» – это важно. Это значит: искать не будем. Это значит: вопрос закрыт.

И ниже, мелким, то, ради чего всё:

«Доля и снаряжение распределены между членами группы согласно уставу».

Распределены.

Я усмехнулся, и усмешка вышла нехорошая, я её сам не узнал. Меня не просто бросили в той дыре. Меня списали по бумаге, аккуратно, с печатью, как списывают изношенный инвентарь. «Доля распределена» – это значит, кто-то уже сидит на моей доле. Носит моё снаряжение. Ест на мои деньги. Кто-то очень не хотел, чтобы я вернулся. И этот кто-то даже не подумал, что я могу.

Потому что из Глухаря не возвращаются. Особенно Е-шки. Особенно те, кого туда посылают, чтоб не вернулись.

«Глухарь», – сказал я вслух. – Категория повышенная.

Сверху продолжало капать с карниза – равномерно, в ту же лужу у стены. За углом гудел грузовик на малых оборотах. Запах кошек. Мокрый кирпич. Тихо.

«Аномалия была не повышенная, – тихо сказал внутри ещё один голос. Не Велизар. Молодой. Я его не звал. – Аномалия была смертельная. Нас туда послали умирать».

Я замер.

Этого голоса у меня утром не было.

Глава 3. Счёт открыт

«Стяг» занимал три этажа бизнес-центра на набережной. Стекло, бетон, бронзовая табличка с грифоном – геральдический орёл с кошачьим задом, которого кто-то в Министерстве однажды решил сделать символом охотничьих гильдий. Полгода назад я смотрел на эту табличку и думал: солидно. Сейчас смотрел и думал: кусок металла над дверью, за которой сидит человек, подписавший мой наряд.

Три ступени вверх. Мрамор подножия крошился по краям – дорогой снаружи и ленивый в обслуживании, как бывает у организаций, которые давно уверены в себе. Автоматические двери открылись с задержкой: из тех, что специально сделаны с паузой, чтобы посетитель постоял и почувствовал себя просителем.

Внутри пахло кондиционером, кофе из дорогого зернового аппарата и ещё чем-то – тем особым нейтральным ничем, которое закачивают в офисы такого рода, чтобы с первого вдоха человек понял: ты в чужом мире, тут не твои правила. Это работает на девяносто процентах людей. Я помнил, как работало на мне, – раньше.

Пол в холле – тёмный полированный камень, отражал потолочные лампы. Шаги звучали чётче, чем надо. Расходники ходили тихо, прижавшись к стенам. Я пошёл по центру.

Охрана сидела за турникетом. Двое: один листал планшет, второй смотрел в стену с видом человека, который отсидел здесь лишние три часа и ещё четыре отсидит. Ни тот ни другой не посмотрел на меня с вниманием. Расходники – это не лица, это жетоны. Жетон пропищал, турникет открылся. В базе данных я всё ещё числился «статус неопределён» или «архив, дело не закрыто» – значит, автоматически не снят с прохода. Бюрократия работает медленнее новостей. Я на это и рассчитывал.

«Удача или план?» – сказал тот, новый голос внутри. Молодой. Ироничный. Осел во мне после «Глухаря». Откуда именно – я ещё не разобрал.

Я не ответил. Удача и план неотличимы, пока работают.

На первом этаже было несколько дверей без табличек и зона ожидания с кожаными диванами – незанятая, только чашка с остатками кофе на подлокотнике. Чья-то, брошенная наспех. Или давно. Ни охранники, ни я на неё не посмотрели. У расходников нет времени на чужие брошенные чашки – только у живых есть.

Лестница на третий этаж – широкая, с перилами из матового металла, чуть холодного на ощупь. Я поднялся пешком. Три этажа не испытание, а время. Время посмотреть на стены.

Стены умели улыбаться. Грамоты Министерства в рамках, сертификаты аккредитации, фотографии: бригады на фоне закрытых аномалий, командный снимок у туши В-класса – не маленькой, судя по размаху лап на краях кадра, – кто-то с рюмкой на каком-то официальном приёме. На одном снимке я нашёл Кистенёва: лет пять назад, не седой ещё, смеётся. На дальнем краю снимка чья-то рука в тёмном рукаве – хозяина обрезают. Наверное, больше не партнёр. Стена не помнила, чья.

На третьем этаже пахло иначе. Меньше кофе, больше бумаги и принтерного тонера. Звуки другие: тихий стук клавиатуры за перегородками, чья-то речь в трубку – ровная, деловая, не поднимает интонацию в конце фраз. Настоящий рабочий этаж, не парадный. Здесь не принимали посетителей для вида.

Велизар молчал. Он всегда молчал, когда я шёл не убивать, а смотреть. Сейчас, видимо, не чувствовал разницы между тем и другим. Или чувствовал, но решил подождать.

Секретарша сидела у входа в приёмную. Молодая, лет двадцати пяти, тёмные волосы собраны аккуратно, ногти короткие без лака – из тех, кто реально работает, а не сидит для картинки. На экране у неё таблицы. Она подняла глаза с дежурным «вы по записи?» уже наготове – и оно умерло у неё на полуслове.

Я видел, как умирают дежурные фразы. Меньше секунды: рот открыт, первый слог – и тут мозг пробегает по нейронным дорожкам и выдаёт сигнал «стоп, это не стандарт». Рот застыл. Она листала меня в памяти – сверяла с фотографией в траурной рамке, которая наверняка висела где-то в общем чате гильдии. Сначала непонимание. Потом узнавание. Потом страх – тот особый, липкий, который появляется не перед опасным человеком, а перед тем, кого уже похоронили, помянули и убрали со стенда.

Руки у неё замерли над клавиатурой. Два пальца держали авторучку – она её не опустила, просто держала.

– Доложите Кистенёву, – сказал я. – Морев пришёл за расчётом.

Она позвонила. Голос почти не дрожал – только в конце, когда произносила фамилию. Потом кивнула мне на дверь кабинета и смотрела в мою спину так, как смотрят на что-то, во что лучше не верить.

Кистенёв принял меня сразу.

Это первое, что я записал в счёт: не удивился. Не уронил чашку, не побледнел, не вызвал охрану. Человек, к которому с того света приходит списанный сотрудник, и который при этом спокойно говорит «проходи, Захар, садись», – это человек, который держал такую возможность в уме. Который знал, что я могу прийти. Виноватые так не встречают. Так встречают те, кто всё рассчитал и не доглядел одну мелочь.

Мелочью был я.

Кабинет угловой, окна на набережную и реку. Вода внизу стояла серая, плоская, апрельская – честная вода без обещаний. На столе два стакана с кофе. Один его. Второй – не мой: гостю, которого ждали до меня, или просто привычка на двоих. Скорее второе. Я отметил это и не стал гадать.

Кистенёв сидел прямо, руки сложены на столе. Грузный, седой, тяжёлые чистые руки – руки человека, который давно не марает их сам и, похоже, давно не чувствует от этого ничего особенного.

– Живой, – сказал он, разглядывая меня поверх очков. – Это хорошо. Я не люблю терять людей.

– Я заметил. Полгода искали.

Он не дрогнул. Вообще ничем. Это само по себе информация: застигнутого врасплох выдаёт тело раньше слов. Кистенёв сидел как сидел. Ни облегчения, ни напряжения. Рабочее спокойствие.

– Глухарь схлопнулся за тобой, – сказал он. – Спасательная операция в смертельной аномалии – это новые гробы, Захар. Я не имею права хоронить живых ради одного. Ты бы на моём месте сделал так же.

– Я не на твоём месте. Я на дне той дыры, куда ты меня отправил.

– Куда тебя отправила Система, – мягко поправил он. – Контракт распределил тебе сектор. Я только подписал наряд.

Вот тут он почти меня поймал.

Не потому что я рассердился – рассердился, это когда голова отключается. Он поймал меня потому, что говорил без злобы и почти без вранья. А это самое опасное сочетание из существующих.

Кистенёв не считал себя злодеем. Я видел это по глазам, по рукам, по тому, как он произносил слово «Система» – без иронии, со спокойным уважением, как называют закон природы. Гравитация. Сезонный разлом. Расходник. Он был бухгалтером – не в смысле «трус за бумагами», а в смысле человека, который правда верил, что мир устроен как сводная смета. Охотники гибнут – статья расходов. Аномалии закрываются – выручка. Списанный расходник – строка с нулём в графе «оборот», которую закрываешь и идёшь дальше. Кистенёв не чувствовал за собой вины. Он чувствовал за собой решения.

В этом было что-то пострашнее ненависти. С ненавистью можно говорить, можно торговаться, можно найти точку, где она заканчивается. С расчётом нельзя. Расчёт не устаёт и не раскаивается – он просто повторяет себя при тех же условиях.

Я успел это понять ещё за кромкой Разлома. Там у меня было много времени и мало что считать, кроме собственных выводов.

– Я предлагаю забыть, – сказал Кистенёв. – Восстановлю тебя в гильдии. Подниму до Д, дам нормальные контракты, подъёмные. Будешь жить. Ты ведь хочешь жить – раз вылез.

Он говорил ровно. Без давления, без манипуляции – или с манипуляцией настолько встроенной в тон, что она не ощущалась как давление. «Будешь жить» – не угроза. Факт. Бухгалтер предлагает новую строку вместо старой нулевой.

«Соглашайся», – сказал молодой голос внутри. Тот, новый. – «Соглашайся и перережь ему горло во сне».

Велизар не сказал ничего.

Но я почувствовал, как он слушает. Внимательно – то редкое внимание, которое бывает у людей, знающих, что информация важнее реакции. Велизар никогда не комментировал лишнее. Значит, что-то в этом разговоре было нелишним. Что-то, что я ещё не увидел.

– Подумаю, – ответил я.

Кистенёв кивнул. Коротко, деловито – как получают ожидаемый ответ. Без облегчения, без попытки дожать. Именно это меня и насторожило: человек, которому важно твоё решение, давит. Кистенёв не давил. У него была страховка поверх этого разговора.

Я посмотрел на его руки. Тяжёлые, без дрожи, сложены на столе – как у человека, который привык, что переговоры заканчиваются там, где он их заканчивает. Кистенёв не ждал отказа. Он ждал торга. Это тоже была информация.

Я не собирался резать Кистенёву горло. Горло – быстро. Быстро – подарок. Человек, которому подарили быструю смерть, не успел понять, за что именно. Смысл теряется.

И не собирался соглашаться: тот, кто списал тебя однажды, спишет снова, как только ты снова станешь неудобен. Не злость – математика. Человек принял решение при определённых условиях, при тех же условиях примет снова. Кистенёв был бухгалтером. Бухгалтеры не меняют методологию.

Я пришёл посмотреть в глаза первому в моём списке – убедиться, что список начинается правильно. Не с исполнителя, а с того, кто подписывает наряды. Кистенёв подписывал. Но Кистенёв был не вершина. Над бухгалтером всегда есть тот, для кого он сводит смету. Кистенёв был хорошим началом. С него удобно тянуть нить.

– Захар, – окликнул он, когда я уже стоял и направился к двери. – Не делай глупостей. Списанный человек уязвим. У него нет ни прав, ни доли, ни имени. Юридически тебя нет.

Я остановился. Не потому что он меня остановил – а потому что хотел посмотреть на него в этот момент. Он смотрел на меня поверх очков спокойно. Правда думал, что это предупреждение. Что это аргумент в его пользу.

Я обернулся.

– Это ты зря сказал.

Он чуть нахмурился. Первая живая эмоция за весь разговор. Маленькая вертикальная складка между бровями.

Списанному не выставляют счёт – у него нет имущества, нет статуса, нет имени, не с чего взыскивать. Это знают все. Кистенёв напомнил мне об этом как об угрозе. А я услышал как разрешение.

Нечего терять – нечего беречь. Нет имени – нет репутации, которую портит то, что я делаю. Нет прав – не обязан ни перед кем из тех, кто их раздаёт. Списанному нечего терять. Значит, счёт буду вести я. И в моём счёте у каждой строки есть имя.

Кистенёв был первым. Не последним.

На лестнице снова пахло тонером и кофе. Грамоты смотрели мне в спину с той же вежливой мёртвостью. Секретарша у входа в приёмную не подняла глаз – смотрела в экран так, как смотрят, когда очень стараются не смотреть. Охрана внизу не обернулась. Турникет пропикал на выход. Автоматическая дверь открылась с той же задержкой, что и при входе.

Парадный выход на набережную. Серая вода. Апрельский воздух – река и выхлоп, без офисного ничего. Настоящий воздух, неотредактированный.

Я сделал два шага вниз по ступеням и увидел машину.

Серая, средний класс, из тех, которые не хочется запоминать. Стояла напротив входа – не у стоянки такси, не под знаком парковки. Просто там, откуда удобно смотреть на парадный вход и никуда не ехать. Человек за рулём не прятался. Не смотрел в телефон, не отворачивался. Смотрел прямо на меня. Когда я вышел – чуть склонил голову. Небольшой жест. Как ставят галочку в своём собственном списке.

Я остановился на нижней ступени. Смотрел на него. Он смотрел на меня.

Три секунды.

Потом я пошёл по набережной, не оборачиваясь.

Значит, не я один сегодня начал считать.

Глава 4. Низ

Чтобы подняться, я пошёл вниз.

Списанному нельзя брать контракты – у него нет лицензии, нет страховки, нет имени в реестре. Это не жалоба, просто ограничение маршрута. Как знак «нет въезда» на односторонней улице: можно возмущаться, а можно поехать в объезд.

Объезд назывался биржей отчаяния. Официально – «Информационный стенд расселённых кварталов». Никто так не называл. Помещалось всё в бывшем ЖЭКе у краснокирпичного пятиэтажника на Кожевенной – там, где асфальт помнит три поколения латаных ям, а отопительные батареи стоят прямо во дворе второй год, не потому что некуда деть, а потому что некому монтировать.

Внутри пахло старой проводкой и застоявшейся пылью. Флуоресцентный плафон на потолке моргал через раз – не мигал, именно моргал, как сонный глаз, который не может решить, работать или нет, и каждый раз выбирает компромисс. На стене – доска, листки скотчем. Серые бумажки с принтера, скотч уже жёлтый: адрес, кратко что за беда, сумма налом.

Очередь была из трёх человек. Они не стояли – они присутствовали. Один в военной куртке с оторванной нашивкой, с синяком в пол-лица, смотрел в пол. Женщина лет пятидесяти с детской коляской, только без ребёнка, с сумками. Парень в маске, натянутой до глаз, который листки читал, но ничего не брал. Все трое усвоили одно правило: сначала посмотри, кто идёт первым и что с ним происходит. Вернулся – бери.

Я взял первым. Кожевенная, 14: «скребут по трубам, выбило пробки, приходите сами, видеть боимся». Сумма – триста рублей.

В кармане у меня было девяносто восемь.

* * *

Подвал на Кожевенной вонял сыростью и прокисшим деревом – в углу гнила разбухшая рама, треснувшая по всей длине. Пахло так, как пахнут подвалы, в которые не заходят годами: кисло, тяжело, с привкусом холодного железа. Пробки действительно выбило – темно было полностью, я шёл на фонарик телефона и звук.

Звук был тихий: деловитое шебуршание за трубами, спокойное, не агрессивное. Так возьмётся, когда считают место своим. Правильно считают. Пока.

Их было трое. Мелкие искажения, ранг Е – в темноте серые сгустки размером с некрупную кошку. Форма у них каждый раз разная, этих лепили без особого плана: передние лапы с двойным суставом, без хвостов, глаза не там, где положено. Сидели в тепле у трубы отопления и не дёргались.

Первую я снял сразу – ранг Е не крепче табуретки, если знаешь, где мягко. Нож в основании, под что у них вместо черепа. Упала без звука.

Вторая отреагировала на запах – бросилась, я отступил на шаг, пропустил мимо. Добил.

Третья ушла за батареею. Забилась туда, откуда не достать стоя. Мне пришлось лечь на бетон – холодный, влажный, с какой-то крошкой под ладонями, – вытянуть руку в темноту и лезть на ощупь.

Рука ушла в пыль по локоть. Нащупала тёплое. Дёрнула.

Тварь пискнула один раз.

В голове, без предупреждения, трижды сухо щёлкнуло:

Отклик принят. *Отклик принят.* *Отклик принят.*

Холодный глоток под кожу. Три раза подряд, быстро – как три капли ледяной воды за шиворот одновременно. Мелкие, умений почти нет. Зато теперь я знаю: ориентация в трубчатых конструкциях по вибрации металла. Встроенный навигатор для лабиринтов из железа. Пригодится или нет – разберёмся.

Хозяйка сверху открыла дверь с деньгами в руке, посмотрела – пыль на рукаве, что-то тёмное на локте, – дала триста рублей и тарелку борща. Борщ я взял. Сел на ступеньку прямо там, в подъезде, и ел стоя – то есть сидя, но быстро, потому что на кухню меня никто не звал, и это было правильно. Так работают расходники. Поел, встал, ушёл.

* * *

Три дня я работал вот так. Самое мелкое, самое тихое, самое дешёвое.

Прорыв в стене между подъездами – размером с форточку, края ещё живые, подрагивали. Не тварь, просто нестабильный шов: закрыть, пока не расширился. Сделал за семь минут, без откликов. Просто работа за двести пятьдесят рублей и благодарность от бабки с третьего этажа, которая, впрочем, сразу закрыла дверь.

Гнездо в заброшенном торговом павильоне – десять тварей между стеной и мёртвыми холодильными витринами. Там было дико холодно: витрины без электричества держали мороз как термос, металл жёг сквозь перчатки. Дыхание паровало в луче фонарика. Они жили в щели и жрали электрику – буквально, грызли провода и глотали изоляцию, откуда выбитые пробки в трёх квартирах наверху. После работы – десять откликов пачкой, один за другим, и первые несколько секунд я стоял не двигаясь. Когда их много сразу, это не больно. Просто холодно изнутри: как будто кто-то выключил отопление сразу во всём теле и забыл включить обратно.

Бешеная псина-искажёнка на пустыре за гаражами – та была дольше.

Она уже не совсем псина. Форма осталась – четыре лапы, хвост, уши. Внутри что-то перепуталось с чужой стороной Разлома, и теперь она ходила боком и не понимала, где у неё перёд, а где зад. Лаяла куда-то в пол. Когда заметила меня – бросилась, но по кривой, взяла лишние полтора метра дугой, промахнулась. Развернулась, снова бросилась, снова мимо. Орала при этом – не злобно, растерянно, как оратор, которому забыли сказать, где трибуна.

Мне было её жалко. Жалость не мешала. Просто была фоном, как примесь в воздухе.

Я сделал быстро.

Отклик принят.

Доставшееся умение – навык чтения следов по запаху. Фоновый, пассивный: теперь я буду знать, что кто-то был в комнате, ещё не зайдя в неё. Хорошее приобретение.

По одному. Не жадничая. Жадность – это первый голос, который начинает кричать.

К концу третьего дня у меня в копилке было четырнадцать откликов. Часть уже разобрал: навигация по вибрации металла, короткий рывок, след по запаху. Остальные лежали тихо – как вещи в кармане, которые ещё не вытащил и не рассмотрел. Знаю, что там. Пока этого достаточно.

* * *

На третий день ко мне прибился пацан.

Я стоял у входа в очередной подвал на Батарейной – новая заявка, мелкий прорыв, четыреста рублей. Застёгивал куртку, проверял нож. И сбоку:

– Ты Жнец, да?

Я обернулся.

Тощий. Лет четырнадцати. Лопухий – уши торчали из-под шапки так, что шапка смотрелась декоративно. Куртка на два размера больше: рукава закатаны трижды, и всё равно кисти

рук торчали где-то из середины рукава. Штаны держались на ремне от другой куртки, завязанном узлом. Кроссовки разные – один белый, второй светло-серый. Или так задумал, или носил что было. По лицу – второй вариант.

Голос – тихий, ровный, без интонаций человека, которому есть что терять. Говорил не нараспев и не с агрессией: просто сообщал факты, как диктор читает погоду.

Выражение лица особое, я такое видел: не злое, не испуганное, просто давно привыкшее не ожидать от утра лишнего.

Ранг Е светился над ним так слабо, что и прибор едва поймал бы. Почти как у меня по бумагам.

– Про тебя на бирже говорят, – сказал он. – Что ты один заходишь и один выходишь. Возьми в напарники, а? Я фонариком могу. И ядра таскать.

Я смотрел на него. Раз. Два. Три.

– Иди домой.

– У меня нет, – сказал он просто, без жалости к себе.

И этим зацепил.

Не нытьём. Не просьбой. Просто фактом. Как если бы сказал «у меня нет зонтика» в дождь – описал погоду и стоит дальше. Не ждёт, что кто-то побежит доставать.

Звали его Сёма. Четырнадцать лет, расселёнка на Батарейной, мать в долгах – не уточнял в каких, но интонация была понятная. Грань – пшик, тусклый сенсор, пограничный ранг Е. Из таких делают расходников: пробудили, выдали бумажку с лицензией, послали затыкать дыры, пока не кончатся. Я знал этот путь до последнего шага.

Я по нему уже прошёл. И вернулся оттуда, куда он ведёт.

– Фонарик держи и не лезь, – сказал я.

Он просиял так, будто я его усыновил. Широко, искренне, без расчёта – так радуются только когда давно не ждали и вдруг получили хоть одно «да».

Я сделал вид, что не заметил.

«Зачем он тебе, – спросил Велизар, пока мы спускались. Лестница была железная, скользкая от сырости, перила ржавые – лучше не трогать. – Он слаб. Он будет умирать, и ты будешь его спасать, и это сделает тебя медленным».

– Помолчи.

«В моё время отроков отдавали в дружину в двенадцать. К четырнадцати он был бы мужем или прахом».

– В твоё время не было лифтов, антибиотиков и доставки еды на дом. Помолчи, дед.

Велизар оскорблённо затих. Он всё ещё не простил этому веку существование эскалаторов – «лестниц, что ползут сами, для ног, что разучились ходить». Я не признавался ему, но эти его ворчания держали меня в себе крепче любого якоря. Пока я могу с ним собачиться – я ещё я. Это важнее, чем звучит.

За спиной Сёма светил фонариком – на стены, на потолок, на трубы, на свои ноги.

– Тут воняет, – сообщил он.

– Это подвал, – сказал я.

– Я просто говорю.

– Хорошо. Ты сказал.

* * *

Подвал оказался пустым.

Это была первая странность.

Заявка обещала гнездо – десяток мелочи, ранг Е, работа на полчаса. Я прошёл к дальней стене, осветил в углы, понюхал воздух.

Воздух был правильный: подвальная плесень, сырая штукатурка, ржавчина. Кислого химического запаха, который твари оставляют на занятой территории, – не было. Я осветил на трубы: пыль ровная, нетронутая, без следов когтей. На пол: бетон чистый, никаких помётных пятен, никаких царапин. Бесхозная паутина в углу – не порвана, висит нетронуто.

Здесь никого не было. Давно.

Значит, либо кто-то ошибся в заявке, либо кто-то солгал. Ошибки бывают. Ложь – тоже. Но только ложь требует цели. Я не спешил к первому варианту.

Я дошёл до дальней стены – и увидел разлом.

Свежий. Края ещё подрагивали: полуметровый разрыв между кирпичами, неровный, с тёмными пятнами по периметру, как будто стену жгли изнутри. За ним темнело что-то иное. Не подвальная темнота – та просто чёрная и неподвижная. За разломом темнота была живая. Та, что дышит.

Его в заявке не значилось.

И из него на меня смотрело то, чему в расселёнке взяться неоткуда.

Тварь была ранга С. Минимум.

Прибора у меня нет – не положен расходникам. Я определил по весу. У твари ранга С есть вес – не физический, другой, который давит на пространство вокруг. Воздух между нами стал плотнее, как за секунду до грозы, только без запаха озона. Всё слегка прогибалось к ней. Пол под подошвами казался на миллиметр тоньше.

Большая. Не широкая – длинная, почти вертикальная, как если бы кого-то взяли и вытянули против всякого смысла. В темноте за разломом она не двигалась. Просто смотрела.

Над такими работают группы из десяти лицензированных, в полной броне, с тактиком на координации, с врачом в тылу, с прикрытием двух магов-запечатчиков. Не списанный Е-шка с четырнадцатилетним пацаном-фонариком в подвале на окраине.

– Сёма, – сказал я очень спокойно. – Назад. К лестнице. Медленно.

За спиной чуть скрипнул пол – он услышал в голосе то, что я не вкладывал в слова, и пошёл. Без вопросов. Молча. Хорошо.

Тварь за разломом не двигалась. Ждала.

Я смотрел на неё и думал.

Кто-то очень хотел, чтобы я зашёл в этот подвал. Кто-то знал, что я возьму именно эту заявку – самую мелкую, самую тихую, самую неприметную из всех на доске. Кто-то следил не день и не два – изучал систему. Я всегда беру самое дешёвое. Всегда прихожу на рассвете. Всегда первым в очереди.

Меня нет в реестре. Я покойник по всем бумагам, что имеют значение.

Но кто-то нашёл меня раньше, чем я успел найти его.

И подсунул мне смерть под видом расчистки.

Глава 5. Проверка

Бежать было нельзя. Сёма не успел бы и до середины лестницы.

Расселёнка на Заречной выглядела так, как выглядят все расселёнки: бывший жилой дом без жильцов, который медленно решает, падать ему или нет, и пока думает – стоит. Три этажа, кирпич, окна с крест-накрест заколоченными ставнями, и точно посередине фасада – ржавая табличка «ОПАСНО. Не входить», которую никто не читает, потому что читать её некому. Двор за домом был открыт: заборчик давно повалился, и никто не поднимал. Мы вошли через него, через запах прелой листвы и мокрого бетона, через ком ржавой трубы, которую кто-то зачем-то оттащил в угол.

Сёма нашёл это место сам. Принёс мне три фотографии с телефона и короткое объяснение. Ожоги на штукатурке в подъезде – характерные, с рваным краем, такие остаются, когда что-то выходит из разлома и задевает стену. Запах горелого железа на лестнице. Трещина в дальнем углу подвала в форме, которую не делает осадка и не делает вода, – только когда пространство рвётся и потом слипается обратно. Маленькая форточка. Давно закрытая. Остаток ядра на дне, если не выгорело.

Я спросил, когда он там был.

Ночью, сказал он. Один, посмотреть.

Я сказал ему несколько слов на эту тему. Он выслушал с выражением человека, который уже всё решил и теперь вежливо ждёт, пока говорящий выдохнется.

Ему было четырнадцать.

В подвале воняло ржавчиной, намокшим деревом и тем сладковатым, которое я с некоторых пор умею отличать от обычной подвальной гнили. Это запах разлома. Запах дырки в мире, которую позабыли зашить. Потолок низкий – если вытянуть руку, достанешь. Штукатурка отслоилась везде: набухла пузырями, местами сошла совсем, открыла жёлтый кирпич и тёмные разводы сырости вдоль швов. В углу – старый верстак, от слесарки которого остались только пятна масла и ком ржавых болтов. Справа рукомойник на трубах, пересохший. Три шага в длину, два в ширину. Лампочки нет – только Сёмин фонарик, который он сжимал в кулаке.

Я велел ему встать у лестницы и не двигаться.

Он встал. Принимал приказы без объяснений – редкость в любом возрасте. Я заметил это ещё в первую неделю, когда он прибил, и с тех пор не возвращался к этой теме.

Потом воздух в дальнем углу сложился.

Форточка открылась без звука – только мерцание, словно за стеной кто-то перебирает кривые зеркала. Потом из этого мерцания начало выходить что-то. Сначала звук – тихий, частый, как перекачивание мелкого камня по деревянному полу. Потом очертание. Потом тварь.

Тварь ранга С втягивалась в подвал из разлома-форточки рывками, как дым, который кто-то сворачивает в кулак. Длинная, низкая, больше, чем казалось сначала, – она разворачивалась при выходе, как складной нож, у которого лезвий не два, а шесть. Всё в ней было не там и не так: суставы в неправильных местах, голова без чёткой передней стороны, движения с той задержкой в долю секунды, которая хуже скорости. Ты бьёшь туда, где она была. А она уже здесь.

Она была неправильная даже для твари: слишком целеустремлённая. Обычная искажёнка идёт на любое живое – на запах, на движение, на тепло. Этой было безразлично и живое, и тепло. Она шла на меня. Только на меня.

– Велизар, – сказал я одними губами. – Что это.

«Это не зверь, – отозвался он, и в его голосе впервые за день не было насмешки. – Это охотник. Кто-то его направил».

Хорошо. Люблю, когда сразу понятно, куда бежать.

Дальше я не думаю.

Я срываюсь с места в сторону от Сёмы – на голос, на запах, на себя, – чтобы тварь шла за мной, а не за пацаном. В три шага я оказываюсь в дальнем углу, между верстаком и стеной. Подвал тесный: три метра свободного пространства, рукомоЙник справа, потолок низкий. У С широкий бьющий радиус, и в тесноте она теряет секунду на переброс. Секунда – это много. Секунда – это иногда всё.

Тварь разворачивается ко мне. Я слышу её раньше, чем вижу: тихий равномерный скрип, как будто кто-то одновременно тянет несколько ржавых болтов. Этот звук идёт отовсюду сразу – от потолка, от стен, от пола, – будто она уже везде. Потом она там, где я ожидал, и бьёт первой.

Плеть – из чего-то, что не должно гнуться так, – со свистом режет воздух справа. Я ухожу навЫм шагом: низко, в пол, почти до колена, под удар, как учил мёртвый воевода тысячу лет назад в мире, которого я не помню. Тело помнит вместо меня. Плеть проходит там, где была моя голова, крошит бетон в мелкую белую крупу. Пыль оседает мне на плечо, на щёку, в зубы. Вкус штукатурки и пустоты. Осколок задевает бровь – не больно, только остро, как от ногтя.

Я уже не там. Я внутри её защиты.

На один удар. Один удар – это всё, что у меня есть против С.

Одна секунда между её замахом и моим. Использую.

Первое: слишком много суставов, и где-то среди них есть один, на котором держится вся конструкция. Второе: она шла на меня целенаправленно – задача, а задача требует внимания, а внимание – это зазор в защите. Третье: она задела верстак при входе и не среагировала. Не считает обстановку. Привыкла к простору.

Чужая рука – не моя, та, что я взял утром, – знает, куда бить. Под третий сустав, в шов, в слабое.

Нож входит.

Тварь дёргается и разворачивается быстрее, чем имеет право, – и достаёт меня вскользь по рёбрам. Горячо. Мокро. Не смертельно – если не считать того, что против С любое касание уже много.

Под рёбрами разгорается та тупая боль, которая сначала кажется терпимой. Потом начинает жрать. Дыхание стало короче само по себе – тело бережёт себя, пока я занимаюсь другим. Каждый вдох напоминает, что лучше бы покороче. Мышцы вдоль бока напряглись, прикрывают. Я слышу, что рот открылся. Закрываю.

Я не отступаю. Отступать я разучился давно – ещё там, за кромкой.

Отступать некуда и физически: за мной верстак, за верстаком стена, и стена эта ощущается через лопатки, хотя я к ней не прикоснулся. Именно это и нужно: когда идти некуда, голова перестаёт думать о побеге и начинает думать о следующем ударе.

Я беру её прямо в движении, не дожидаясь, пока сдохнет, – и это ошибка, я понимаю это сразу. Тварь ранга С – это не глоток ледяной воды. Это ведро, опрокинутое в горло.

Сила хлещет внутрь волной. Не тонко и холодно, как с мелкими, – сразу, горячо и широко, как будто кто-то проломил перегородку, за которой стояло давление. Чужая память разворачивается во весь рост – серая равнина, две луны, низкое небо не нашего мира, запах земли, в которой нет железа, только сухой камень и чужая трава, которой у нас нет имени. Чей-то приказ на языке, которого я не знаю, но вдруг понимаю, – и приказ этот звучит как «найди», как «веди», как «не останавливайся», – и кто-то говорит его твари, которая только что была у моих ног, – и голосов внутри становится не на один больше, а на десяток, и все они кричат разом, каждый о своём, о той равнине, о гнезде, о ком-то, кто ждал и теперь не дожждётся, – и я уже не помню, который из них мой, и есть ли он вообще, и как меня–

– Захар!

Сёма. Он не убежал. Стоит на ступенях, белый, с трясущимся фонариком, и зовёт меня по имени. Голос ломается на последнем слоге – не от страха, уже после страха, когда страх отхлынул и осталось только имя, потому что ничего другого не осталось.

Имя. Моё. Я хватаюсь за него, как за выступ над пропастью. Захар Морев. Двадцать шесть. Этот голос – мой, потому что только мне есть дело до лопоухого пацана, которого я велел отправить домой.

Чужой ор внутри отступает. Не уходит – отступает. Оседают на дно, ждать.

Тварь у моих ног рассыпается серой трухой. Тихо, без финального удара, без рывка – просто рассыпается, словно держалась только на том, что я ещё не взял, и когда я взял – держаться стало не на чем. Пыль оседает на мои колени, на рукоять ножа, на пол вокруг. В кулаке остаётся ядро – маленькое, как у всех С, плотное и тяжёлое, будто слиток металла, которого не бывает. Тёплое. Пульсирует под пальцами – раз, другой, третий – и затихает. Через десять секунд оно уже просто камень. Тёмный, без блеска. Ничего общего с теми кусками пустоты, что дают Е.

Отклик щёлкает в голове сухо и обморочно:

Принято. На пределе.

Я стою на четвереньках в трухе и собственной крови и впервые за полгода по-настоящему боюсь. Не твари. Себя. Того, что в следующий раз имени может не хватить.

Я держался на имени. Захар Морев, двадцать шесть. Это уже немного – два слова и цифра. Я не знаю, как долго они будут держать.

Я убрал ядро во внутренний карман, к сердцу. Потом проверил пальцами бок: кожа цела, кровь поверхностная – тварь прошла вскользь, не разрезала, только содрала. Рукав мокрый выше локтя: либо задело шире, чем казалось, либо я приложился о верстак, когда уходил. Жить буду. Ближайшее время – точно.

Встал. Медленно, в два приёма, придерживаясь рукой за стену, пока рёбра выясняли отношения с этим решением. Выдохнул. Обтёр нож о край комбеза, убрал. Вытер лицо. Посмотрел на ладонь.

– Ты живой, – выдохнул Сёма, скатываясь по ступеням. – Я думал, всё. Я хотел убежать, честно хотел. А потом не смог.

Он уже стоял передо мной – фонарик всё ещё дрожал в руке, хотя держал он его двумя руками – и смотрел на меня тем особым взглядом, которым смотрят, когда только что ждали самого плохого и не дождались. Не облегчение. Что-то более сложное. Я с этим взглядом знаком.

– Дурак, – сказал я. – В следующий раз беги.

– А ты побежишь?

Я не ответил. Посмотрел на него. Руки у него не тряслись уже – только фонарик всё ещё жил своей жизнью, дёргался на треть оборота туда-сюда. Лицо белое, но не растерянное. Он думал. Четырнадцать лет, и думал уже в этом подвале, а не после.

Я смотрел на пол рядом с трухой. Среди серой пыли, в которой только что была тварь, лежала маленькая железка. Оплавленная по краю – грубо, как будто её несли в спешке и задели что-то горячее. Я нагнулся, поднял двумя пальцами, поднёс к свету фонарика.

Чуть тяжелее, чем должна быть. Нижняя поверхность шершавая, в насечках, – это крепёж, её к чему-то цепляли. Оплавленный край свежий: пластиковый предохранитель сгорел в горячке разлома, когда тварь прошла. Я перевернул её. На обратной стороне – мелкое тиснение в три строки, которое прочитать уже нельзя. Выгорело.

Метка-наводчик. Такие вешают на тварей, чтобы вести их по запаху цели. Дорогая штука. Не для расселёнки. Не для расходников.

Я разложил по полочкам.

Раз: С-ранговых тварей не бывает в маленьких давно закрытых форточках. Значит, кто-то открыл форточку заново. Открыть форточку – это Знак, и не самый слабый. Г-ранг как минимум, скорее Б. Это деньги, и деньги немалые, и человек, который их тратит на проверку списанного Е-шки в чужом подвале, знает, что делает.

Два: метку вешают ДО выпуска, и она ведёт зверя к запаху цели. Для этого нужен образец. Значит, у них есть что-то моё: вещь, кровь, след. Значит, они были достаточно близко, чтобы взять его, – а я не заметил. Это хуже первого.

Три: они выбрали расселёнку. Место без камер, без свидетелей, без счётчика трупов. Не рынок, не улица, не двор. Если бы хотели убить – выбрали бы место, где у меня нет пространства. Здесь пространство было. Тесное, но было. Значит, не убить. Посмотреть.

Кто-то загнал в этот подвал тварь ранга С и навёл её на меня. Не чтобы убить – С против расселёнки убивает всех, а они выбрали место, где никто не считает трупы. Чтобы посмотреть. Проверить, правда ли списанный Е-шка по прозвищу Жнец заходит один и выходит один. Правда ли он – больше, чем буква в реестре.

Теперь они знают: правда.

Хуже всего было то, что это меняло план. Не ломало – меняло. Я собирался подниматься тихо: одна расселёнка, другая расселёнка, маленькие ядра, нулевой след, никакой репутации. Пока они не знают, что я есть, – я строю. Пока я строю, они не мешают. Это была хорошая схема.

Теперь они знают. Значит, нейтральной территории больше нет.

Я сжал оплавленную метку в кулаке. Металл был ещё тёплый. Плохо. Я хотел подниматься тихо. А меня уже нашли – раньше, чем я нашёл их.

«Кто-то очень терпелив, – сказал Велизар. – И очень богат. Это худший враг из всех».

Глава 6. Первый из тех

К «Берлоге» я вышел в начале восьмого утра.

Улица ещё не продышалась после ночи. Мостовая влажная – дождь прошёл часа в три, я слышал его под трубой. Фонарь над входом горел, хотя рассвело: кто-то не выключил, или просто забыли, что бывает день. Я постоял в подворотне напротив, спиной к стене, и смотрел на дверь. Деревянная, с выжженным медведем на листе фанеры под облупившимся лаком. «Берлога». Буква «Г» на вывеске мигала не в такт ничему.

Бары для охотников среднего звена выглядят одинаково во всех районах города. Это не случайно – это жанр. Лицензионная матрица с рангами в витрине, мусор у порога, запах изнутри, который не исчезает даже с закрытой дверью. Запах этот составной: вчерашнее пиво, табак, что-то жареное, что жарилось ещё с вечера и давно перестало быть едой, и фоном – озон от дешёвого сканера при входе. Знакомо до тошноты. Полгода назад ел здесь кашу через столик от Лютого и слушал, как он рассказывает историю зачистки, в которой ему принадлежала каждая секунда и ни одна потеря. Лютый умел рассказывать о чужом как о своём. Это было его главным профессиональным навыком – не охота, а история про охоту.

Ядро ранга В лежало у меня во внутреннем кармане, слева, там, где у нормального человека бьётся сердце. Оно не пульсировало уже, как тогда, сразу после забора, – остыло за эти дни, стало тихим и плотным, как булыжник. Но вес держало. Хороший вес, правильный: не тот, что оттягивает карман, а тот, что напоминает – у тебя есть что положить на стол.

Я зашёл.

Внутри было то, что я и ждал. Пять-шесть столиков заняты, утренние охотники говорили негромко – как говорят люди, у которых впереди смена и сил на лишний шум нет. Над стойкой висела стандартная лицензионная матрица: ромбы рангов, открытые секторы, даты закрытий. Хозяин за стойкой взглянул на меня, сверил с чем-то внутренним и молча отвернулся. Без лицензии – без приветствия. У таких заведений простые правила.

Лютого я нашёл там же, где оставил полгода назад в мыслях, – в том самом баре, где наливают в долг тем, у кого есть лицензия, и не наливают таким, как я.

Он сидел спиной к двери. Самоуверенность или глупость – у Лютого это всегда было одно и то же. Поправился за полгода – плечи шире, щёки тяжелее, стрижка свежая. Жизнь у него шла хорошо. Никаких неудобных последствий: группа погибла в аномалии – бывает, оборудование утрачено – бывает. стакан перед ним был не первый с утра, это видно по тому, как расслаблен локоть на столешнице.

На запястье у него поблёскивал мой старый сканер-маяк, тот, что я брал в «Глухарь». Дорогая вещь. Калиброванная под меня, без перепрошивки её не продашь и в пункте сдачи не примут без вопросов. По описи – утрачена вместе с телом охотника Морева. По факту – на руке у того, кто это тело отправил умирать и не помешал.

Я сел напротив.

Лютый поднял глаза от стакана, и я в третий раз за два дня посмотрел, как живой человек видит покойника.

Разница между разами всегда одна и та же, но каждый раз другая. Техник из бригады запечатывания смотрел с испугом – чистым, незамешанным, как у человека, который ещё не успел подумать. Следователь в регистратуре смотрел со скукой профессионала: всякого навиделся. Лютый смотрел иначе. Лютый смотрел как человек, который точно знает, что покойник пришёл не здороваться.

– Морев, – выдавил он. – Ты же...

– Списан. Знаю. Я читал.

Вокруг нашего угла продолжался обычный гул «Берлоги»: чей-то кашель, позвякивание стакана у соседнего стола, музыка из колонки – что-то без слов и почти без ритма, такое ставят, когда хотят шум, а не музыку. В нашем углу стало тихо.

Дальше можно было сделать просто. Велизар подсказал бы куда бить, чтобы Лютый не встал. Но быстро – это подарок, а Лютый подарка не заслужил. Он не подписывал наряд. Он сделал хуже: он был рядом, всё видел и промолчал. Когда меня заперли в секторе, который вёл в смертельную глубину, Лютый отвёл глаза и забрал мой сканер. Молчание – это тоже подпись. Просто её труднее предъявить в суде.

Поэтому я не стал бить. Я заговорил.

– Хороший маяк, – кивнул я на его запястье. – Слушай, раз уж ты теперь по этой части. Есть тема. По-тихому. Я с той стороны принёс кое-что, чего в реестре нет. Ядро. Большое. Сбыть не могу – я покойник. А ты можешь. Попролам.

Я не соврал ни словом. Ядро ранга В правда лежало у меня в кармане. Сбыть его я правда не мог – без лицензии, без статуса, без имени в живых регистрах. А Лютый правда был жаден – жаднее, чем труслив, а это говорит о человеке всё.

Я смотрел, как в нём борются страх и алчность. Это интересное зрелище, если уже насмотрелся на людей и не ждёшь от них сюрпризов. Страх стягивал лицо к переносице – давил брови, делал взгляд тяжёлым. Алчность его расслабляла – чуть приоткрывала рот, подавала голову вперёд, как будто тело уже тянулось к деньгам, пока голова ещё думала. Алчность победила, как всегда победит, если цифра достаточно большая.

Он наклонился ближе.

– Покажи.

Я показал. На секунду, под столом, расстегнув молнию кармана ровно настолько. Ядро ранга В в полумраке под столешницей – тёмно-багровое, тяжёлое, с тускловатым внутренним светом, как жар под золой, который кажется угасшим, но стоит поднести руку. Этого хватило: у Лютого загорелись глаза – по-настоящему, щёки порозовели, он машинально сглотнул и потянулся рукой – и сам остановил руку, потому что соображение у него всё-таки было.

Я застегнул молнию.

Этот бар я выбрал не за то, что мне тут не наливают. И всё это – чтобы три камеры бара – над стойкой, у аварийного выхода и в углу под вентиляцией – сняли, как лицензированный охотник «Стяга» Лютый разглядывает нелегальное ядро ранга В из закрытой аномалии. Той самой, где «погибла» его группа.

Дальше я ничего не делал. Дальше работала его собственная жадность.

Два дня я занял собой – насколько можно занять собой человека без адреса, без имени в живых системах и без денег на что-нибудь приличное. Ночевал там, где не задавали вопросов. Ел из уличных точек. Ходил по городу, смотрел, как устроена жизнь на поверхности, пока меня тут не было.

Ничего особенного. Те же конторы по сбыту ядер с лицензионными таблицами в витринах, те же очереди в регистратуру Министерства, те же охотники с нашивками гильдий, те же люди с теми же лицами. Просто когда смотришь снизу и сбоку, а не изнутри системы, детали читаются иначе. Я успел за эти дни прочитать много деталей.

Велизар молчал. Велизар умеет молчать, когда делать нечего, – это ценное умение для голоса в голове.

На второй день Лютый вышел на связь. Не напрямую – через оставленное в условленном месте слово, по той схеме, которую я ему тихонько объяснил за третьим стаканом в «Берлоге», пока он мысленно уже делил деньги. Покупатель нашёлся. Встреча послезавтра, адрес и время.

Я убрал сообщение и пошёл спать.

Через два дня Лютый притащил покупателя.

Я стоял у кромки склада, там, где кирпичная стена давала тень, и смотрел. Покупатель приехал в двух машинах – шесть человек, хорошая охрана для рядовой сделки. Значит, ядро шло не перекупщику. Значит, наверх. Люди Грача – я не знал этого наверняка, но у конвоиров была та особая выправка, которую не купишь на рынке.

Лютый суетился. Я видел это даже отсюда – по тому, как жестикулировал, как слишком широко улыбался, как поправлял маяк на запястье будто невзначай. Когда человеку неловко, он трогает украшения. Нервный продавец торопится закрыть сделку.

Старший из покупателей был невысоким, в хорошей куртке, двигался без суеты. Взял ядро в руки, повертел. Я видел отсюда, как изменилось его лицо – на секунду, почти незаметно, но изменилось. Человек, который понял, что держит.

Потом приехали ещё две машины. Не Грачовские.

Лютого взяли так, как берут аккуратно: не с криком, не с оружием в лицо, а двое сзади под локти – и всё. Грачовский человек дёрнулся, встретился глазами со следователем в сером, и они секунду мерялись, и человек Грача отступил. Умный. Ядро, выпавшее при задержании, осталось лежать на земле, его подобрал следователь, завернул в ткань и убрал в сумку. Аккуратно, как вещдок, которому знают цену.

На сделке Лютого взяли. Не меня – меня там не было, покойников на сделки не зовут. Взяли его: за оборот запрещённого ресурса, за сокрытие обстоятельств гибели группы, за маяк, числящийся утраченным. Гильдия от него отклеилась в тот же час, публично, чтобы не запачкаться. «Стяг» не держит воров.

Осталось за кадром. Лютый сидел в комнате для задержанных, тряс руками и повторял следователю: «Меня подставили, это Морев, он живой, он мне сам...» – и видел по лицу следователя, что звучит это ровно как бред человека, который попался и валит на покойника. Следователь слушал без выражения, записывал. Лютый говорил правду – и это была проблема, потому что чем больше правды он говорил, тем безумнее выглядел. Живой покойник, который сам пришёл предложить нелегальное ядро из аномалии, где погибла его группа, – это звучит как история человека, которому плохо с головой. Я заранее знал, что так и будет. Правда в устах вора весит меньше, чем молчание.

Я навел его до перевода в изолятор. Минуту, через стекло.

В коридоре для посетителей пахло хлоркой и нагретым пластиком – казённый запах, одинаковый в следственных изоляторах и больницах по всему городу. Флуоресцентный свет такой, что не оставляет тени и не даёт нормально смотреть на лица. За двое суток Лютый как будто стал меньше. Плечи ссутулены, руки сцеплены на коленях, голова опущена. Я знаю этот эффект: когда система начинает тебя перемалывать, первое, что уходит, – это объём. Человек делается плоским.

Он поднял голову, когда я сел напротив. Узнал. В глазах было что-то, на что не хочется долго смотреть.

– За что, – прохрипел он. – Я же ничего не делал.

– Вот именно, – сказал я. – Ничего. Стоял и смотрел. Запомни на будущее: я тоже теперь умею стоять и смотреть.

Он сломался не от угрозы. От спокойствия. Люди вроде Лютого готовы к ненависти – она понятна, она симметрична, с ней можно работать. Можно объяснить себе: он меня ненавидит, значит, я ему насолил, значит, это игра интересов, правила известны, выход существует. А когда тебя вычёркивают так же буднично, как когда-то вычёркнул сам, – это ломает иначе. Потому что это не игра интересов. Это зеркало.

Он долго молчал, глядя не на меня, а в стекло. Потом поднял глаза.

– Это не я придумал, – зачастил он. – Наряд на «Глухарь», тебя в тот сектор – это не Кистенёв. Кистенёв только подмахнул. Бумага пришла сверху, из Министерства, с пометкой. Я видел гриф. Морев, я видел гриф!

– Какой гриф.

Лютый назвал.

Я не двинулся. Сидел, слушал, как вентиляция в коридоре гудит ровно и без перерывов, как за стеклом Лютый переводит дыхание после того, что сказал. Снаружи ничего не изменилось. Внутри я считал.

Кистенёв был не вершина. Это я допускал – в дальнем углу плана, там, где живут предположения, которые не хочется проверять раньше времени. Допускал как вариант. Теперь знал как факт. Над бухгалтером стоял кто-то в сером здании на набережной, кто-то, кому списать охотника – не строка в смете, а строка в плане. Не выгода. Намерение.

Это другое.

Я встал, не прощаясь, и прошёл по коридору с флуоресцентным светом, мимо дежурного, через дверь, на улицу.

На улице был апрельский ветер – холодный, мелкий, с реки, с влажным запахом воды и городского камня. Я поднял воротник и пошёл. Не торопясь, потому что торопиться некуда и не от кого. Следующая остановка не на карте, у неё нет адреса, и прийти туда нельзя раньше, чем прийти.

И я впервые за эти дни почувствовал, как почва, на которой я строил свой счёт, уходит глубже, чем я думал.

Первая в списке галочка была поставлена. А список только что стал длиннее.

Глава 7. Наблюдатель

Из расселёнки я выходил через дырку в заборе, потому что так правильнее. Официальный выход вёл к дороге, где горел фонарь и можно было рассмотреть лицо. Моё лицо рассматривать было незачем – я ещё числился мёртвым, а покойники светиться не должны.

Бывший жилой дом девятиэтажкой стоял на краю переселённого квартала, окнами на реку. Одно время здесь нарыл гнездо мелкий Разлом – шестого подвала хватило месяц, потом выгорело, – но запах остался: горелый кирпич, мокрая штукатурка и то, что я называю «изнанкой». У каждой аномалии есть свой след в воздухе, его не вымоешь и не перекроешь ремонтом. Люди не чувят. Я чувю. Ещё одно бесплатное приобретение из тех, о которых меня не спрашивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.